

В.Е. Бездель

Зав. кафедрой правоведения и социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала Международного университета «МИТСО», кандидат исторических наук, доцент

Создание детских учреждений в Витебской области в 1944-1945 гг. как решение проблемы детской беспризорности

В статье на основе архивных материалов анализируются действия советской власти по созданию детских учреждений на территории Витебской области для решения проблемы детской беспризорности в 1944 – 1945 гг. Автор отмечает, что Великая Отечественная война и оккупация привели к росту числа беспризорных детей, повлияли на их физическое и психическое здоровье. Детские учреждения, которые создавались в условиях послевоенной разрухи и недостатка финансирования, нуждались в ремонте, педагогических и медицинских кадрах, снабжении продовольственными товарами, детской одеждой, мебелью и иными предметами для организации быта воспитанников. Меры, принятые властями БССР и Витебской области, не смогли существенно улучшить ситуацию в 1944 – 1945 гг., которая напрямую зависела от восстановления экономики и преодоления последствий войны.

Ключевые слова: оккупация, детские дома, детство, беспризорность, Великая Отечественная война, детский приемник-распределитель.

Осенью 1943 г. началось освобождение БССР, в частности Витебской области. На территориях, занятых Красной Армией восстанавливалась советская власть и законность.

Местным советским, партийным органам необходимо было решать проблемы, характерные для военного общества: дефицит продуктов продовольствия, рабочей силы, восстановление систем здравоохранения, образования, промышленности и т.д. Среди важных, требующих незамедлительного принятия решений, была проблема детского сиротства.

Рассмотрение и анализ этого явления представляется актуальным, поскольку, во-первых, необходимо обозначить влияние войны и оккупации на такую социальную группу белорусского советского общества как дети, во-вторых, феномен детства является предметом самостоятельного, фактически непредставленного в современной белорусской историографии, направления – истории детства [1]. Основная его идея заключается в том, что детство имеет свою историю: это

представления о моделях детства, сформированных в обществе и реализуемых через государственную политику, детскую одежду, игры, литературу, кино и т.д. Изучение истории детских учреждений, быта их воспитанников в 1944 – 1945 гг. позволят понять феномен советского послевоенного детства. Последнее представляется важным, так как война и оккупация повлияли на мировосприятие детей, их ценностные ориентиры, взаимоотношения с миром взрослых.

Трагедия детей в 1941 – 1944 гг. не была случайной, вызванной только ведением военных действий между Советским Союзом и Германией. Нехватка продовольствия, отсутствие медицинской помощи, возможности посещать школу, потеря семьи, принудительные работы на территории Беларуси и за ее пределами – это реализация заранее разработанной Гитлером теории «необходимого жизненного пространства», «расового превосходства», германизации [2].

Все мероприятия, разрешенные оккупационной администрацией (обучение детей, создание Союза белорусской

молодежи, издание детских журналов, введение карточек для детского населения и др.), способствовали воспитанию детей в духе национал-социализма, послушных рабов.

Оккупационные власти признавали проблему детской беспризорности и безнадзорности и пытались решить ее путем создания детских домов, размещения детей в оставшихся на оккупированной территории советских детских домах. Но эти учреждения и их воспитанников использовали для решения конкретных проблем, возникших в результате затягивания военных действий: отбор и отправка воспитанников на принудительные работы в Германию, для доноров немецким солдатам. Типичными явлениями в детских домах на оккупированной территории были холод, голод, многочисленные болезни, высокая смертность среди воспитанников. Неудивительно, что дети старались сбежать из этих учреждений и выжить самостоятельно.

Нацистская целенаправленная политика онемечивания и геноцида привела к тому, что на территории Беларуси за годы оккупации погибло более 166 тыс. несовершеннолетних, а сиротами остались более 138 тыс., 60 % из которых дети погибших красноармейцев и партизан [10, с. 17].

Таким образом, советская власть столкнулась не только с необходимостью создать для таких детей сеть детских учреждений, обеспечить их необходимыми условиями для физического существования, лечения, но и социальной адаптации к условиям жизни в невоенном, мирном обществе. На существование психологических проблем у несовершеннолетних, переживших оккупацию не в семье, обращал внимание в своей работе М. Кузнецов, бывший малолетний узник. Он зафиксировал формирование у детей различных отклонений от обычного, «нормального» поведения: «синдром бомжа», злобность к окружающему миру, недоверие, воровство и т.д. [13, с. 137].

Названные выше причины подтверждают актуальность темы статьи. Более того, труды белорусских авторов лишь поверхностно затрагивают вопросы организации детских домов в 1944 – 1945 гг. на территории Витебской области. В работах

по истории народного образования советского периода внимание уделено вопросам восстановления сети дошкольных и школьных учреждений, подготовке педагогических кадров и др. В целом по истории послевоенной беспризорности выделим публикации И.М. Ильюшина, В.А. Данилова, Е.Ю. Занько, Т.В. Опиок, И.В. Николаевой [12].

Цель статьи – проанализировать государственную политику по созданию детских учреждений как способ борьбы с детской беспризорностью на территории Витебской области в 1944 – 1945 гг.

По мере освобождения территории БССР военное и гражданские власти столкнулись с проблемой детской беспризорности и безнадзорности, создания, финансирования и снабжения детских домов, устройством детей воинов Красной Армии, партизан, детей-сирот.

Изначально организация работы с беспризорными и безнадзорными детьми была возложена на органы НКВД, о чем свидетельствует постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 659 от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством». В этом документе НКВД СССР поручалось в дополнение к уже действовавшим трудовым колониям для осужденных подростков создать трудовые воспитательные колонии для беспризорных и безнадзорных детей, а также подростков, совершивших незначительные правонарушения [9, с. 175]. Для детей создавались трудовые колонии для малолетних преступников, трудовые воспитательные колонии для детей и подростков в возрасте от 11 до 16 лет – беспризорных, живущих без родителей, определенного места жительства, задержанных за хулиганство, попрошайничество, мелкие кражи и др.

После начала освобождения территории республики СНК БССР и ЦК КП(б)Б 12 октября 1943 г. приняли постановление «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» [11, с. 51]. Целью государственной политики в отношении беспризорных и безнадзорных детей был учет и выявление таких детей, определение их в соответствующие учреждения, усыновление, с течением

времени полная ликвидация этого явления в советском обществе.

В феврале 1944 г. СНК БССР четко обозначил механизмы и пути борьбы с детской беспризорностью на освобожденных территориях, издав постановление № 40 «Об организации для детей воинов Красной Армии и партизан Отечественной войны, а также детей-сирот, родители которых погибли от рук немецких оккупантов, специальных детских домов и детских приемников-распределителей» [7, л. 103].

На 1 декабря 1944 г. по республике в органах народного образования на учете состояло более 46 тысяч детей-сирот, к концу 1945 г. – 64 тыс. [11, с. 51]. На освобожденной территории Витебской области в апреле 1944 г. было учтено 1880 детей-сирот, в сентябре 1944 г. – 5607 чел., которые были устроены на патронирование, отданы под опеку родственникам или знакомым, 2328 детей размещены в 23 детских домах [3, л. 76; 14, с. 343]. Стоит сразу отметить, что данные статистики, как мы считаем, являются неполными, поскольку происходило активное продвижение линии фронта, возвращение гражданского населения из других советских республик (например, из Литовской ССР в ноябре 1944 г. в Витебскую область прибыло 7363 человека), репатриантов, реорганизация детских учреждений. Данный вывод подтверждается в иных научных публикациях [11, с. 51].

Перечисленные выше документы регулировали механизм, согласно которому определялась судьба беспризорных детей. С улицы такие дети попадали в детские комнаты милиции, потом в приемники-распределители, которые курировали органы НКВД. В них ребенок мог находиться не более 2-х недель. Затем его отправляли или в детский дом, или к родственникам, если таковые были установлены, или в трудовую колонию, если несовершеннолетний совершил правонарушение или преступление.

В государственном архиве Витебской области для исследователей доступен фонд 2425 “Витебский детский приемник-распределитель” (далее – ВДПР), документы которого позволяют детально изучить деятельность приемника-распределителя, возрастной и социальный состав детей,

обстоятельства, при которых они попали в приемник-распределитель, нормы питания и т.д.

ВДПР, вместимостью 125 мест, был создан решением исполкома Витебского областного совета депутатов трудящихся от 14 ноября 1943 г. в д. Орлики Велижского района, а в апреле 1944 г. переведен на территорию Лиозненского района [7, л. 102]. Изучение документов этого фонда за 1943 – 1945 гг. позволило автору статьи прийти к следующим выводам:

1. Исходя из анализа содержания журналов по учету детей, проходящих через Витебский детский приемник-распределитель, за 1943 – 1945 гг. было несколько критериев (пунктов), обязательных для заполнения сотрудником ВДПР. Помимо личных данных, состояния здоровья (наличие вшей, чесотки, признаков инфекционного заболевания и др.), наличия личных вещей ребенка, обязательно указывалась причина поступления в приемник-распределитель и место, из которого он поступил. Большая масса детей градировалась на группы: дети погибших на фронте красноармейцев или партизан, дети-репатрианты, дети, сбежавшие из дома, в том числе из приемной или патронатной семьи, дети, у которых (со слов детей) есть родственники, дети, сбежавшие из других детских учреждений [8]. Внутренняя градация, кажущейся внешне единой категории детей-сирот, позволяла властям изолировать тех, кто являлся неблагонадежным, потенциальной угрозой идеологии советского государства. Особое отношение испытывали на себе дети, вернувшиеся с принудительных работ или репатрианты. Причины и последствия такого отношения к ним требует отдельного рассмотрения.

2. В приемнике-распределителе, несмотря на то,

что он изначально, создавался как временное местонахождение детей, была создана и реализовывалась система воспитательных мероприятий. Это объясняется тем, что дети зачастую оставались в приемнике дольше двухнедельного срока. Акцент на воспитательную работу был важен для советского общества, которое постепенно «выходило» из войны, еще и потому, что на протяжении трех лет часть детей находилась на оккупированной территории, где функционировали школы, противопоставленные по духу и идеологии советским. В декабре 1944 г. начальнику ВДПР были доведены замечания по плану воспитательной работы. Было рекомендовано привлекать к воспитательной работе с детьми членов партии, комсомольцев, бойцов Красной Армии, партизан, которые бы рассказывали детям о подвигах и победах над фашистами. Еще в одном замечании указывалось на отсутствие кружков для формирования у детей трудовых навыков. Идея трудового воспитания была одной из центральных в довоенной советской педагогике, а в послевоенный период стала еще более востребованной: нехватку рабочих рук, резкую диспропорцию между мужским и женским трудоспособным населением планировалось решить в том числе за счет раннего трудового обучения детей, направлением на учебу в школы ФЗО (фабрично-заводского обучения) подростков в возрасте старше 14 лет (в том числе из детских домов и приемников-распределителей) [7, л. 84 – 84 об.].

3. ВДПР, как и другие приемники-распределители на территории республики (к январю 1945 г. действовало 18 таких учреждений с единовременным

содержанием 1200 детей [11, с. 51]), испытывал трудности с комплектацией штата подготовленными педагогическими кадрами, медицинскими работниками. По состоянию на 1 февраля 1944 г. из 26 работников ВДПР высшее педагогическое образование было только у начальника, старшего воспитателя и 1 воспитателя (в штате было всего 6 воспитателей) [7, л. 29]. Более того, из-за постоянной текучести кадров на работу принимали воспитанников приемника-распределителя, достигших 16-летнего возраста (1927, 1928 г.р.) [6, л. 6, 7 об., 8, 9, 10].

Мы считаем, что выводы, сделанные по изучению материалов ВДПР, будут характерны и для иных приемников-распределителей республики, поскольку условия, в которых они функционировали, а также последствия оккупации, с которыми столкнулось гражданское население БССР, были одинаковыми. Таким образом, приемники-распределители, созданные в 1944 – 1945 гг., выполняли не только функцию временного пристанища беспризорных детей, но и являлись учреждениями, на которые были возложены воспитательная и идеологическая функция.

Из приемников-распределителей большинство детей попадало в детские дома. До войны в БССР функционировало 186 детских дома, а в сентябре 1945 г. – 236 учреждений с общей численностью 24204 воспитанника [11, с. 52]. Как уже отмечалось выше, на территории Витебской области было создано 23 детдома.

В рассматриваемый период, когда последствия войны еще только предстояло преодолеть, детские дома столкнулись с рядом проблем: недостатком питания, одежды, предметов первой необходимости для воспитанников, недостатком кадров, медицинского обслуживания. Проводимые ежемесячные в 1944 г. проверки, отчеты по результатам которых заслушивались на заседаниях бюро обкома КП(б)Б и исполкома Витебского областного совета депутатов

трудящихся, содержат указанные выше недостатки.

Учитывая, что положение воспитанников детских домов в БССР в целом было похожим, в марте 1945 г. СНК БССР и ЦК КП(б)Б приняли постановление «О мероприятиях по улучшению материально-бытового положения детских домов БССР». В нем отмечалось, что в некоторых детских домах (среди которых были Ушачский и Ветринский Витебской области) «дети крайне истощены. Органы торговли безответственно относятся к бесперебойному и полному снабжению детских домов продуктами питания, а Наркомторг БССР и отделы народного образования не принимают должных мер по улучшению снабжения продуктами питания» [4, л. 206]. Отметим, что обеспечить 100% снабжение детских домов продуктами питания в 1944 - 1945 гг. было объективно невыполнимо, поскольку экономика БССР работала на потребности Красной Армии, снабжение гражданского населения продуктами носило нормированный характер. Осенью 1945 г. правительство БССР констатировало, что «большое количество предприятий систематически срывают выполнение государственного плана по выпуску готовой продукции (речь идет о продовольственной продукции – В.Б.). Хлебозаводами, например, до сих пор не вырабатываются белобулочные изделия» [5, л. 263]. Конечно, имел место и человеческий фактор: факты воровства продуктов питания сотрудниками детских домов, которые усугубляли положение воспитанников.

В постановлении СНК БССР и ЦК КП(б)Б содержался комплекс мер, направленных на поддержку детских домов: завоз топлива, организация подсобного хозяйства, мастерских, ремонт зданий, обеспечение столовой посудой, мебелью, носильными вещами [4, л. 206 – 207]. В целях реализации этих мер детдомам Витебской области были выделены участки пахотной земли, скот и птица для организации подсобных хозяйств, которые рассматривались как дополнительный (а в некоторых случаях как основной) источник продуктов питания для воспитанников.

Вместе с тем, кардинально изменить ситуацию на протяжении 1945 г. не удалось.

В октябре 1945 г. в постановлении СНК БССР и ЦК КП(б)Б «О мероприятиях по подготовке детских домов к зиме» отмечалось, что «большинство детских домов республики плохо обеспечено одеждой, обувью и особенно постельными принадлежностями и нательным бельем. ... Не изжиты факты разбазаривания продуктовых фондов детских домов» [5, л. 87].

Великая Отечественная война и оккупация привели к увеличению количества детей-сирот, которые занимались попрошайничеством, совершали правонарушения, были потенциальными распространителями инфекционных заболеваний. Начиная с осени 1943 г., начала освобождения территории Беларуси, советские государственные органы занялись восстановлением системы детских учреждений, куда направлялись беспризорные дети. Как показывает анализ архивных документов, а также публикаций белорусских авторов, устройство детей-сирот не было беспроblemным: человеческие жертвы, голод, послевоенная разруха, дефицит промышленных и продовольственных товаров, распределительная система, нехватка квалифицированных педагогических и медицинских кадров, лекарств, халатное отношение к детям со стороны работников. Очевидно, что обеспечение детских учреждений и их воспитанников непосредственно зависело от восстановления экономики, разрушенной войной, "возврата" белорусского советского общества к мирной жизни.

Библиографический список:

1. Арьес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / Пер. с франц. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 416 с.
2. Бездзель, В.Я. Дзеці на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941 – 1944) : манаграфія / В.Я. Бездзель. – Віцебск : УА “ВДТУ”, 2013. – 157 с.
3. Государственный архив Витебской области (далее ГАВО). – Ф. 1966. – Оп. 5. – Д. 7.

4. ГАВО. – Ф. 1966. – Оп. 5. – Д. 15.
5. ГАВО. – Ф. 1966. – Оп. 5. – Д. 17.
6. ГАВО. – Ф. 2425. – Оп. 1. – Д. 1.
7. ГАВО. – Ф. 2425. – Оп. 1. – Д. 2.
8. ГАВО. – Ф. 2425. – Оп. 1. – Д. 3, 6, 10, 16.
9. Данилов, В.А. Трудовое воспитание в исправительных учреждениях НКВД/МВД Беларуси для несовершеннолетних в послевоенные годы (1944 – 1953 гг.) / В.А. Данилов // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2015. – № 2 (30). – С. 175 – 179.
10. Жылінскі, М. Г. Адукацыя на акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны (чэрвень 1941 – ліпень 1944 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / М. Г. Жылінскі ; Беларус. дзярж. пед. ун-т ім. М. Танка. – Мінск, 2002. – 21 с.
11. Занько, Е.Ю. Решение проблемы детской беспризорности и безнадзорности в Брестской области (1944 – первая половина 1950-х годов) / Е.Ю. Занько // Вестник Полоцкого государственного университета. – серия А. – 2015. - № 9. – С. 50 – 57.
12. См.: Ильюшин, И.М. Народное образование в Белорусской ССР / И.М. Ильюшин. – Минск : Учпедгиз БССР, 1961. – 439 с.; Савич, А.А. ; Данилов, В.А. Организационные основы борьбы НКВД-МВД Беларуси с детской безнадзорностью и беспризорностью во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы (1944 – 1947 гг.) / В.А. Данилов // Милиции Беларуси 90 лет: история и современность / редкол.: К.И. Барвинок (отв. ред), А.Ф. Вишневский, В.А. Кучинский. – Минск : Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 2007. – 218 с.; Занько, Е.Ю. Решение проблемы детской беспризорности и безнадзорности в Брестской области (1944 – первая половина 1950-х годов) / Е.Ю. Занько // Вестник Полоцкого государственного университета. – серия А. – 2015. - № 9. – С. 50 – 57; Опиок, Т.В. О повседневной жизни детей и подростков в освобожденных районах Могилевской области (1943 -- 1946 гг.) / Т.В. Опиок // Романовские чтения – 13 : сборник статей Международной научной конференции, посвященной 105-летию Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова, 25–26 октября 2018 г., Могилев / под общ. ред. А. С. Мельниковой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – С. 53–54; Николаева, И.В. Дети Витебщины в послеоккупационный период Великой Отечественной войны / И.В. Николаева // Наука - образованию, производству, экономике : материалы XIX(66) Регион. науч.-практ. конференции преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 13-14 марта 2014 г. : в 2 т. - Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – Т. 1. – С. 341 – 342.
13. Кузнецов, М. Это тоже наша история. Национал-социализм глазами малолетнего узника. Исповедь о пережитом / М. Кузнецов. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2004. – 386 с.
14. Николаева, И.В. Дети Витебщины в послеоккупационный период Великой Отечественной войны / И.В. Николаева // Наука - образованию, производству, экономике : материалы XIX(66) Регион. науч.-практ. конференции преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 13-14 марта 2014 г. : в 2 т. - Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – Т. 1. – С. 341 – 342.

©Бездель В.Е., 2020